

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Д. Е. Сорокин

В статье анализируется противостояние «либералов» и «государственников» российской политико-экономической мысли. Показано, что либерализация экономической жизни является абсолютно необходимым условием перехода к устойчивому социально-экономическому развитию. При этом необходима опора на инвестиционную активность государства, являющуюся в сложившейся обстановке обязательной, но недостаточной мерой для перелома негативных тенденций. Предотвратить негативное развитие событий возможно лишь через проведение наряду с инсти-

туциональными преобразованиями в экономической сфере, формирующими слой экономически самостоятельных предпринимателей-новаторов, не менее глубоких преобразований политических институтов в направлении демократизации жизни общества.

«...Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем это принято думать. В действительности только они и правят миром. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад».

Дж. Кейнс [31, с. 383-384]

Мощным сдерживающим фактором развития экономической науки является равнодушие к ней со стороны власти, в ее рекомендациях по вопросам стратегии. Уверенная в своей компетентности, власть не нуждается в советниках.

Л. Абалкин [11, с. 37]

Сегодня для российской экономической науки нет более актуальной задачи, чем выработка концепции преодоления сложившегося тренда затухания темпов экономического роста и перехода к устойчивому социально-экономическому развитию (см. табл. 1).

Из приведенных данных видно, что замедление экономического роста обозначилось с 2010 г., когда темп восстановления ВВП оказался ниже его прироста 2008 г., даже несмотря на то, что в последнем квартале 2008 г. происходило сокращение объемов ВВП (по отношению к четвертому кварталу 2007 г.) в связи с начавшимся экономическим кризисом. При этом абсолютные объемы прироста ВВП в 2010 г. и в 2011 гг. сократились соответственно на 74 и 16 % по сравнению с 2008 г. В последующие годы эта тенденция продолжилась. В результате среднегодовые темпы прироста ВВП в послекризисный период (2010–2013 гг.) оказались более чем вдвое ниже по сравнению с сопоставимым докризисным (2005–2008 гг.).

Вместе с тем, с учетом нынешнего состояния материальной базы экономики двух-трехпроцентный рост — минимум, при котором возможно лишь простое воспроизводство [26, с. 34]. Именно поэтому в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. [2] было отмечено: «В предстоящий среднесрочный период необходимо обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста на уровне не менее 5 %. ... 2-3 % в год... критически мало. При такой динамике валового внутреннего продукта не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны». Особую остроту проблема динамики экономического роста приобретает в условиях нынешнего обострения политического и экономического противостояния России с США и

ЕС, которое может иметь относительно долгосрочный характер.

Однако экономические власти, похоже, смирились с негативным трендом экономического роста. В сентябре 2013 г. Минэкономразвития России в качестве базового варианта прогноза впервые за всю историю составления такого рода документов предлагает избрать инерционный, а фактически пессимистический сценарий, предполагающий «сохранение инерционных трендов, сложившихся в последний период». Согласно этому варианту среднегодовой темп прироста ВВП в 2013–2016 гг. должен составить 2,8 %, что фактически ставит экономику страны на «красную черту», обозначенную в Основных направлениях. Майский и сентябрьский (2014 г.) прогнозы делают выбор инерционного варианта в качестве базового «традицией», последовательно снижая среднегодовые темпы прироста на период 2013–2017 гг., соответственно, до 1,9 и 1,7 процента, по существу, уводя экономику за «красную черту».¹ Выступая в Государственной Думе Федерального собрания РФ (08.10.2014 г.), министр экономического развития заявил, что темп 3 % в год, который прогнозируется достичь лишь к 2017 г., «является, видимо, в нынешних условиях приемлемым уровнем». Остается неясным, как это согласуется с Основными направлениями, где такой темп признается критически малым, так как в этом случае «не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны».

Вместе с тем, выработка концепции перелома сложившегося вектора осложняется ны-

¹ Даже в умеренно-оптимистическом варианте сентябрьского (2014 г.) прогноза на 2014–2017 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП предполагаются на уровне 2,5 %, т. е. на «красной черте».

Таблица 1

Темпы прироста ВВП, % к предшествующему году

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Темп прироста	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,5*

* Согласно прогнозу Минэкономразвития России (сентябрь, 2014 г.).

Источники: здесь и далее, если не указано иное, статистические данные приведены на основе публикаций Росстата и прогнозов Минэкономразвития России на соответствующие годы.

нешним расколом научного экономического сообщества. По сути, противостояние «рыночников» и «планомерщиков» советского периода российской политико-экономической мысли ныне воспроизводится в противостоянии «либералов» и «государственников». При этом речь идет именно о расколе, а не о научной дискуссии между представителями разных политико-экономических школ: каждая из них проводит отдельные форумы, конгрессы, конференции и т. п., издает «свои» журналы, предпочитая заочную критику оппонентов в кругу своих единомышленников, и формирует своих будущих адептов в «своих» учебных заведениях. В результате по-настоящему «пострадавшей» стороной становится российская политико-экономическая мысль.

Тем не менее, существуют предпосылки преодоления сложившегося раскола.

При всей противоположности взглядов на содержание необходимой стране экономической политики представители обоих направлений едины в понимании причин нынешнего замедления темпов и материальных условий для его преодоления.

Во-первых, и экспертное сообщество, и экономические власти сходятся в том, что предшествующие нынешней ситуации высокие темпы роста (в 1999–2008 гг. 6,9 % в среднем годовом исчислении) в своей значительной части обеспечивались внешнеэкономической конъюнктурой на энергосырьевые товары, образующие главную часть российского экспорта.¹ Мог ли быть устойчивым экономический

рост, основывающийся на таком источнике? Ответ был получен в конце 2008 г., когда восстановительный вектор российской экономики сменился на траекторию глубокого падения. И хотя зачастую это падение объясняется последствиями проходившего в тот же период мирового финансово-экономического кризиса, однако последний есть лишь видимая причина. Политико-экономическая природа мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и российского была принципиально различной. Спусковым крючком в обоих случаях было разрушение финансовой базы экономического роста. Однако для индустриально развитых стран, где и зародился мировой кризис, эта финансовая база основывалась на кредитной экспансии, породившей «долговую пирамиду», которая, как и всякая такого рода пирамида, должна была, рано или поздно, разрушиться. Финансовой базой роста российской экономики служила конъюнктура экспортных рынков на энергосырьевые товары. Под влиянием мирового экономического кризиса эта конъюнктура резко ухудшилась (сократился спрос и, следовательно, объемы экспорта и цены). Результатом стало вышеозначенное падение ВВП страны². Однако подобное изменение конъюнктуры может происходить и без мировых экономических кризисов, как это было в 1980-х и в большей части 1990-х гг. В конце концов, научно-технический прогресс рано или поздно решит проблему доступа к альтернативным источникам энергии. Что тогда произойдет с ценами на традиционные энергосырьевые товары российского экспорта? В этом случае источником экономического кризиса российской экономики высту-

¹ Доля минеральных продуктов в товарной структуре экспорта России выросла с 53,8 % в 2000 г. до 71,6 % в 2013 г. «Высокие темпы роста, достигнутые в последние годы, почти наполовину базировались на опережающем росте физических объемов экспорта и повышении цен на нефть» [9]. «В 2004–2007 гг. фактор внешнеэкономической конъюнктуры обеспечил 42–50 % роста» [6]. «Внешнеэкономический фактор (рост цен на нефть и спроса на сырьевой экспорт) определял до 50 % темпа экономического роста» [5]. «В 2000-е годы динамичный рост российской экономики со среднегодовым темпом около 7 % более чем наполовину определялся эффектом улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, ростом добычи и экспорта углеводородов и сырья, а также реализацией общих преимуществ догоняющего развития (около 4 %

прироста ВВП в год)» [7]. «Больше четверти ВВП России — это результат продажи на мировом рынке газа, нефти, металлов, леса, других сырьевых продуктов или продуктов первого передела [22].

² «В наиболее острой фазе кризиса (IV квартал 2008 г. — первая половина 2009 г.), — отмечалось в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. (М.: Минэкономразвития России. Сентябрь, 2009), — сокращение экспортных доходов и, как следствие, сжатие внутреннего спроса стали причиной снижения ВВП на 4,6–5 %, или почти 50 %» [6].

пит не мировой экономической кризис, а мировой научно-технический прогресс. Вот почему экспертное сообщество в полной мере разделяло тезис, высказанный президентом страны при постановке задачи разработки концепции долгосрочного социально-экономического развития, что энергосырьевой сценарий «неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров. Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говоря это без всякого преувеличения» [25].

Во-вторых, и экспертное сообщество, и экономические власти согласны с тем, что материальной основой устойчивого экономического роста (социально-экономического развития) страны является производство не сырьевых продуктов, а продукции конечного потребления. Такой рост предполагает наличие развитого перерабатывающего сектора экономики, что, в свою очередь, требует наличия современной технологической базы экономики. Вместе с тем именно этот сектор реальной экономики в ходе кризиса 1990-х гг. подвергся наибольшему разрушению. Объем производства машин и оборудования к 2000 г. составлял менее трети от уровня 1991 г. При этом производство металлорежущих станков сократилось почти в 9 раз, в т. ч. с ЧПУ — в 125 раз, кузнечно-прессовых машин в 19 раз (с ЧПУ — в 77 раз), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки — почти в 16 раз. Одновременно происходило качественное ухудшение технологической базы. В экономической литературе отмечается, что в тот же период доля наукоемкого сектора в общем объеме промышленного производства в 1990-е гг. сократилась в два раза [30], было утрачено более 40 % запаса технологий и до 90 % проектно-конструкторских организаций [13]. Вот почему задача создания такой базы ставилась в правительственных программах с самого начала перехода к восстановительному росту¹.

¹ Еще в проекте Основных направлений социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (до 2010 г.), подготовленном на основании распоряжения Правительства от 01.12.1999 г. № 2021-р, второй раздел был посвящен задачам модернизации экономики, при этом инновационный ва-

В-третьих, представители самых разных школ и направлений российской политико-экономической мысли видят причину негативного тренда в сложившейся системе экономических отношений и согласны тем, что для его преодоления необходимы достаточно существенные институциональные изменения. Таким образом, сегодня все экономические школы едины в понимании необходимости активной роли государства в экономической жизни.

Однако по вопросу о том, в чем должна развиваться активизация роли государства в экономической жизни, сохраняются, казалось бы, непримиримые расхождения.

Те, кого относят к «либеральной» школе, видят в качестве главного двигателя экономического роста силы рынка. Отсюда ставка на частнопредпринимательскую инвестиционную активность и, соответственно, на институциональные меры, направленные на создание большей свободы предпринимательству для проявления такой активности:

- снижение административных барьеров при вхождении в рынок;
- устранение излишней регламентации предпринимательской деятельности;
- укрепление институтов защиты прав собственности;
- устранение коррупционной составляющей;
- устранение монополизации рынков;
- снижение инфляции путем жесткой бюджетной политики, предполагающей бездефицитность (а еще лучше профицитность) бюджета путем стерилизации «излишней» денежной массы, образующейся от нефтегазовых доходов, и ограничения государственных расходов;
- ограничение инвестиционной активности государства, в т. ч. через приватизацию госактивов.

Те же, кто представляет «государственническое» направление, считают, что движущей силой экономического роста должна стать инвестиционная активность самого государства и, соответственно, отдают приоритет институциональным мерам, направленным на расширение такой активности:

риант был назван безальтернативным. Там же были определены и сроки реализации этого варианта — 2007–2010 гг, когда «будут созданы научно-технические и производственные предпосылки для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства и увеличения доли современной конкурентоспособной на мировом уровне продукции» [3].

— созданию институтов государственного инвестирования;

— определению приоритетных направлений госинвестирования;

— мобилизации имеющихся в распоряжении государства финансовых ресурсов для осуществления инвестирования.

В свою очередь, реализация такого подхода предполагает отказ от «священных коров» экономического либерализма:

— приоритетности монетарных способов подавления инфляции через жесткие бюджетные ограничения и недопустимость бюджетного дефицита;

— масштабной приватизации имеющихся госактивов, в противовес чему предлагается установление действенного госконтроля над теми активами, которые абсолютно необходимы для решения задач структурно-технологических преобразований.

Не вдаваясь в теоретическую базу вышеприведенных позиций, отметим лишь тот факт, что в основу проводимой до последнего времени официальной экономической политики была положена именно «либеральная» концепция. Именно она послужила теоретической основой «шоковой» либерализации цен, «обвальная» приватизации и т. п., осуществлявшихся в 1990-х гг.

Вместе с тем, при оценке экономических результатов этой политики вряд ли методологически оправданно опираться на экономические результаты 1990-х гг. В этот период главной политической задачей новой власти было стремление не допустить реставрации прежней политической системы, и экономическая политика была, прежде всего, подчинена достижению этой цели. Можно еще долго продолжать дискуссии о необходимости именно такими действиями получить требуемый политический эффект, но вряд ли правильно считать экономическую динамику того периода результатом перехода от экономического доминирования государства к опоре на силы рынка.

Между тем, именно тогда была сформирована институциональная основа рыночного хозяйства: возникли субъекты предпринимательства, не зависящие от государства, рынки капиталов, соответствующая нормативная база и т. д. Поэтому, когда на рубеже 1990-х и 2000-х гг. вопрос о политической власти был решен, экономическая политика смогла быть подчинена решению собственно экономических задач, опираясь, с одной стороны, на достигнутую в конце 1998 г. — начале 1999 г. пра-

вительством Е. Примакова стабилизацию экономической ситуации и благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, с другой — на адекватную в целом теоретическим постулатам рыночного либерализма институциональную базу.

Принятая в начале первого десятилетия 2000-х гг. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2004 г.) декларировала: «Дерегулирование экономики, гарантии прав собственности и равных условий конкуренции должны стать основными мотивами экономической политики. ...В российской экономике нерыночные сигналы играют существенную роль. Решением этой проблемы призвана стать дальнейшая приватизация в сочетании с последовательным применением антимонопольного законодательства». В последующих документах такого рода эти положения превратились в клише, повторяемые, как своеобразные мантры. Так, в Прогнозах социально-экономического развития Российской Федерации на 2011–2013 гг., 2012–2014 гг., 2013–2016 гг. дословно воспроизводятся следующие установки:

— «будут значительно увеличены темпы приватизации в целях последовательного сокращения государственного сектора экономики»;

— «развитие механизмов защиты прав собственности акционеров и инвесторов»;

— «совершенствование нормативных правовых актов в сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве)»;

— «улучшение конкурентной среды»;

— «совершенствование антимонопольного регулирования»;

— «совершенствование регулирования субъектов естественных монополий».

В тех же прогнозах последовательно декларировалась необходимость ужесточения бюджетной политики через снижение государственных расходов для обеспечения бездефицитности бюджета.

Соответственно, динамика экономического развития страны в 2000-е гг. вполне может быть использована для оценки результативности политики «опоры на рыночные силы».

К сожалению, приходится констатировать, что позитивных результатов в деле создания современной технологической базы экономики достичь не удалось (табл. 2).

В ходе восстановительного роста 2000-х гг. объем производства машин и оборудования увеличивался крайне неравномерно, и к 2008 г.

Таблица 2
Динамика производства машин и оборудования,
% к 1991 г.

Показатель	Факт				Прогноз
	2000	2008	2009	2013	2017
Производство машин и оборудования	32,3	63,3	42,3	53,7	55,6

более чем на треть был ниже уровня 1991 г. В т. ч. производство металлорежущих станков — чуть более 7 % (с ЧПУ — 3,4 %), кузнечно-прессовых машин — 11,5 % (с ЧПУ — 15,5 %), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки — 1,3 % к уровню 1991 г. После кризиса 2009 г., отбросившего машиностроение к объемам конца 1990-х гг., и этот низкий уровень так и не восстановился. Более того, обвальное сокращение темпов прироста производства машин и оборудования в 2012 г. до 2,7 % против 11,1 % в 2011 г. переросло в падение их производства на 3,4 % в 2013 г. При этом сентябрьский (2014 г.) прогноз Минэкономразвития России предполагает, что в 2014 г. темп этого сокращения более чем удвоится, составив 7,1 % к уровню 2013 г. И хотя с 2015 г. предполагается снова перейти к росту производства, однако, как видно из таблицы 2, и в 2017 г. не будет восстановлен даже низкий уровень 2008 г.

Несмотря на все организационные и ресурсные усилия, доля инновационно активных предприятий промышленности и доля производимых инновационных товаров (работ, услуг) остались на недопустимо низком уровне 2000 г., что потребовало более чем существенного снижения целевых показателей Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [28] в принятой всего лишь два года спустя Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» [10] (рис.).

Ключевой причиной этого, как справедливо отмечается в Стратегии инновационного развития, «является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций».

Следствие этих трендов — физическое и моральное старение технологической базы экономики. Согласно данным Минэкономразвития России, возраст около 80 % технологического оборудования в реальном секторе экономики — от 16 до 35 лет, в т. ч. в машиностроении бо-

лее половины — свыше 25 лет. Понятно, что производить конкурентоспособную продукцию на такой технологической основе, как минимум, затруднительно.

Результатом стало отставание обрабатывающих производств и в целом промышленности (в 2013 г. их объемы составили соответственно 88,7 % и 90,5 % к уровню 1991 г.), которое согласно прогнозу Минэкономразвития России (сентябрь 2014 г.) сохранится вплоть до 2017 г. (по базовому варианту — 97,9 % и 97,1 % соответственно). Таким образом, пресловутый «сырьевой перекося» российской экономики определяется не «переразвитием» сырьевых отраслей (их рост отражает естественные конкурентные преимущества России), а недоразвитием сектора переработки и, прежде всего, его технологической базы¹. В результате ныне воспроизводятся постановки тридцатилетней давности².

Самое опасное в этой ситуации то, что экономические власти, похоже, уже сами не верят в возможность перелома этих тенденций. Иначе чем объяснить, что в прогнозе на 2014–2016 гг. (сентябрь, 2013 г.) Минэкономразвития России предрекает: «В видовой структуре инвестиций в 2013 г. вероятно сокращение доли инвестиций в машины и оборудование, что соответствует снижению спроса на продукцию машиностроения... В 2014–2016 гг. прогнозируемый низкий спрос на машины и оборудование приведет к дальнейшему снижению доли этой группы в структуре инвестиций», а сценарий до 2017 (май 2014 г.) говорит о консервативной инвестиционной политике частных компаний в предстоящем периоде. Представляется, что здесь будет иметь место случай самореализующегося прогноза: как должны повести себя инвесторы, прочитав такого рода пассажи правительственной инстанции?

¹ По сути, на практике еще раз был подтвержден известный теоретический вывод, что действие рыночных механизмов обеспечивает первоочередное направление инвестиционных ресурсов в те производства, где страна располагает естественными конкурентными преимуществами.

² В Основных направлениях деятельности Правительства РФ до 2018 г. отмечается: «Совокупность сложившихся вызовов и условий экономического развития определяет в качестве основной цели повышение конкурентоспособности российской экономики на основе интенсивного роста производительности труда».

Сравнить: «Для того, чтобы успешно решить многообразные экономические и политические задачи, стоящие перед страной, нет другого пути кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства» [4, с. 43-44].

Рис. Динамика инновационной активности промышленности, %

Сложившаяся ситуация привела не только к активизации выступлений сторонников государственной инвестиционной активности, но и к новым акцентам в формулировании экономической политики. Так, в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 г. и плановый период 2013–2014 гг. (сентябрь 2011 г.) констатировалось: «Развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. ...Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны и проведения комплексной политики модернизации». Выступая 11 апреля 2012 г. в Государственной Думе, В. Путин заявил: «Государство будет напрямую вкладывать средства в разработку технологий и поддержку критически важных отраслей. *Прежде всего, это станкостроение* (курсив наш — Д. С.)». Соответственно, в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [8] было отмечено, что еще «в начале 2000-х гг. стало очевидно, что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности».

В сентябрьском (2014 г.) прогнозе Минэкономразвития России в разделе «Институциональные преобразования» на первое место вынесены мероприятия по развитию институтов

и механизмов управления, связанных с государственным стратегическим планированием.

Государством стал осуществляться целый ряд мероприятий (установление прямого и косвенного государственного контроля над крупнейшими корпорациями и банками, подготовка законов о стратегическом планировании и промышленной политике, принятие решений об осуществлении за счет средств Фонда национального благосостояния и Российского фонда прямых инвестиций крупнейших инвестиционных проектов: БАМ, Транссиб, ЦКАД, Тывинский, «Умные сети», и ликвидации цифрового неравенства, о направлении до 10 % средств ФНБ в проекты с участием российской государственной корпорацией «Росатом»), которые в совокупности заставили сторонников «либеральной» школы заговорить об опасностях государственного капитализма.

Однако пока, как видно из вышеприведенных экономических результатов последних 2–3 лет, перелома в экономической динамике не только не наблюдается, но и не прогнозируется в предстоящем среднесрочном периоде. Более того, инвестиционный «порыв» государства не был подхвачен предпринимательским сектором.

Чем объяснить сложившуюся ситуацию? Ошибочностью теоретических построений или недостаточным профессионализмом исполнителей?

Представители «либерального» направления видят причину в непоследовательности государственной политики развития пред-

принимательских свобод, подавляемых государственной экономической активностью и, соответственно, препятствующей созданию хорошего «инвестиционного климата». «Государственники» же, наоборот, видят причину отсутствия позитивных результатов в непоследовательности курса на рост экономической активности государства в силу сохранения линии на либерализацию экономической жизни. Эта дискуссия похожа на ту, которая шла после поражения первой русской революции 1905 г.: надо ли было братья за оружие? В противовес тезису «Не надо проводить курс на либерализацию (государственную инвестиционную активность — нужно подчеркнуть)» противопоставляется: «Надо, только более решительно и энергично».

Оставив как не являющийся предметом политико-экономического анализа вопрос о профессионализме исполнителей, обратимся к экономической теории.

Политической экономией давно сделан вывод, что движущей силой реального экономического роста в рыночной экономике является конкуренция предпринимателей. Об этом писал еще К. Маркс: «...Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ... Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства» [16]. Отсюда следует, что не всякий предприниматель является субъектом реального экономического роста, а тот, которого впоследствии Й. Шумпетер назовет предпринимателем-новатором, «перетягивающим» на себя финансовые ресурсы в целях создания новых более эффективных технологий. Таким образом, главной задачей становится создание благоприятного инвестиционного климата не вообще, а, в первую очередь, для предпринимателей-новаторов. И вряд ли кто-либо из приверженцев опоры на государственную инвестиционную активность будет возражать против необходимости последовательного приоритетного для таких предпринимателей устранения излишних административных барьеров, эффективной защиты их прав собственности, удешевления и упрощения для них доступа к финансовым ресурсам и иных преференций, на которых настаивают сторонники политики либерализации экономической жизни. С точки зрения теории именно такая политика должна принести иско-

мые результаты, и потому либерализация экономической жизни в данном направлении является абсолютно необходимым условием перехода к устойчивому социально-экономическому развитию.

Но является ли такого рода либерализация достаточным условием перехода страны к устойчивому социально-экономическому развитию в конкретных условиях сегодняшней России?

В этой связи следует помнить, что теоретические концепции любой науки оперируют абстракциями и сформулированные в них закономерности проявляются в «чистом» виде лишь при соблюдении «прочих равных условий». В реальной жизни таких «равных условий», как правило, не бывает¹. Для того чтобы теоретические построения превратились в прикладные инструменты экономической политики, необходимо соотносить их с политико-экономическими реалиями страны, как внешнего, так и внутреннего характера². Известно, к каким негативным последствиям для страны привела борьба за «чистоту теории» в период так называемого социалистического (коммунистического) строительства, игнорирующая экономическую реальность. Стоит ли сегодня повторять, по существу, ту же ошибку с неизбежностью тех же последствий, борясь уже за «чистоту рыночных принципов»?

Тезис о необходимости соотносить теоретические построения с реалиями конкретной страны для политической экономии не нов³. Сегодня, по крайней мере, на вербальном

¹ Это положение касается не только общественных, но и естественных наук. Так еще В.И. Вернадский писал: «Организм, удаленный из биосферы, есть не реальное, есть отвлеченное логическое построение, по своим свойствам столь же далекое от реальности, как далек от реального воздуха, т. е. тропосферы, воздух физика» (Вернадский В.И. Биогеохимические очерки 1922–1932 гг. М., 1940. С. 193).

² «В том, что тот или иной факт характеризуется как экономический, уже заключается абстракция... Тот или иной факт никогда не является, если брать в расчет его глубинные причины, исключительно или „чисто“ экономическим; постоянно существуют и другие, часто более важные его стороны» [29, с. 57].

³ Еще К. Маркс считал, что «один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям., извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» [18, с. 354]. Именно этот методологический принцип лежит в его ответе в 1881 г. на просьбу В.И. Засулич изложить свои «воззрения... на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира

уровне, он воспринят и государственной властью.¹

должны пройти все фазы капиталистического производства» (цит. по: [17, с. 576]): «Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю... „историческая неизбежность” этого процесса точно ограничена странами Западной Европы» (там же, с. 250). Небезынтересно отметить, что К. Маркс цитирует здесь французское издание первого тома «Капитала» (1875 г.). Аутентичный текст во 2-м издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке ([16, с. 726-728]) отсутствует, так как русский перевод сделан с 4-го немецкого издания (1890 г.) (см.: Указ. соч. Т. 19. С. 561. Прим. 67).

Эта позиция активно поддерживалась и российской политико-экономической мыслью. Автор первого учебника политической экономии А. Бутовский считал: «Если применить теорию к объяснению различных сторон жизни Англии, то еще мало будет брошено света на те же вопросы относительно Франции или России, и еще менее относительно Египта или Китая. ...Деятельность народная, в каждом из этих государств, находится под влиянием обстоятельств совершенно несходных, климата, местоположения, государственного устройства, обычаев и вообще образованности. Неудивительно, что и в ее проявлениях, при всей одинаковости побуждений и средств, есть большое несходство, особенно в направлении и результатах» (Бутовский А. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Т. 1. СПб., 1847 г. С. XXX-XXXI).

Такой же точки зрения придерживался С. Витте, отмечавший, в частности, что формы проявления закона спроса и предложения неизбежно видоизменяются «сообразно различным особенностям общественной организации» [14, с. 134], и потому «до тех пор, покуда русская жизнь не работает своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим; ...и понятно, что до тех пор мы не будем жить правильно экономической жизнью, а будем идти на буксире заграничных веяний и всяких спекуляций насчет народного благосостояния» [14, с. 162].

На этих же методологических позициях стоял и Л. Абалкин, отмечавший, что «характер собственности, рыночные институты, мотивы поведения не могут — при всей своей общности — не различаться в англосаксонских и романских странах, в Юго-Восточной Азии и мусульманском мире, в Индии, Китае и России» [12, с. 214].

¹ Так на заседании Правительства России 1 августа 2013 г., посвященном обсуждению государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», тезис Президента РАН В. Фортова, что «сегодня в мире нет универсальной модели построения инновационной экономики. Каждая страна строит эти экономики по-своему: французы — по-своему, корейцы — по-своему», был поддержан Председателем Правительства, отметившим: «Совершенно справедливо..., что эта система не может быть интернациональной. Она, конечно, должна основываться на достижениях всего человечества... Но она все равно должна быть заточена под Российскую Федерацию: у нас специфические условия, как, кстати, и в Америке специфические условия, и во Франции. Она всегда будет носить именно национальный характер».

Конечно, речь идет не о некоем «особом пути России», а о необходимости считаться с ее экономической, а также социальной и геополитической реальностью. Обращаясь к ней, нелишне задаться вопросами:

1. Располагают ли сегодня российские предприниматели и негосударственные финансовые институты ресурсами для решения масштабных задач коренного технологического перевооружения национальной экономики?

В упомянутом выше Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 г. и плановый период 2013–2014 гг. отмечалось, что активизация «государственного вмешательства в экономику страны» требуется именно вследствие того, что «дефицит финансовых и технологических ресурсов, недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, а также нехватка квалифицированных кадров препятствуют масштабному переходу к инновационному, социально ориентированному типу развития».

2. Насколько реально получение ресурсов для создания конкурентоспособной технологической базы из зарубежных источников?

В свете последних геополитических событий вокруг украинского кризиса ответ на этот вопрос все более очевиден.

3. Располагает ли сегодня российская экономика той критической массой предпринимателей-новаторов, которая готова обеспечить соответствующее перенаправление финансовых потоков?

Последнее заставляет напомнить, что лидеры современного российского предпринимательства выросли не из конкуренции за рынки через нахождение организационно-технологических новшеств, а из конкуренции за раздел и передел собственности, требующей совсем иных умений. В силу этих объективных обстоятельств вряд ли можно ожидать от них поведения, характеризующего шumpетерианских предпринимателей-новаторов.

Безусловно, соответствующие изменения институциональной среды будут способствовать появлению тех предпринимателей, чей талант будет направлен на необходимые преобразования. Однако для такого рода изменений недостаточно принятия самых совершенных с точки зрения потребностей эффективных рыночных механизмов законов и иных нормативных актов. Еще Д. Норт отмечал ошибочность представлений, «что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные пра-

вила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [20]. В результате возникает явление, которое юристы называют расхождением между правом и правоприменительной практикой.

Конечно, развитие рыночных отношений на основе последовательных институциональных изменений теоретически должно привести к соответствующим сдвигам в общественном сознании и появлению критической массы предпринимателей-новаторов. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, этот процесс сам по себе будет достаточно длительным. Во-вторых, для России эта длительность может оказаться особенно существенной в связи с исторически сложившимися особенностями российского предпринимательства.

Вся экономическая история России свидетельствует о низкой склонности российского предпринимательства к новаторскому (инновационному) поведению.

Еще в 1663 г. Ю. Крижанич писал, обращаясь к тогдашнему руководству России: «Надо бы накрепко установить, а ослушников наказывать, чтобы за рубеж не вывозилось никакого сырого материала, такого как сырые кожи, конопля и лен, а чтобы дома наши люди делали всякие изделия, сколько можно, и готовые вещи продавали за рубеж» [15, с. 75].

60 лет спустя (1724 г.) первый российский политэконом И. Т. Посошков направляет свою рукопись на имя Петра I, в которой, по сути, повторяется та же мысль: «И чем к нам возить полотна из наших материалов сделанных, то лучше нам к ним возить готовые полотна» [21, с. 25]. А ведь это предложение сделано, когда Петр I провел первую индустриализацию (то есть фактически инновационное обновление) российской экономики. Однако стоило ослабить государственному модернизационному импульсу, как произошло возвращение «на круги своя», о чем красноречиво свидетельствует история создания универсального парового двигателя, использование которого дало начало первой промышленной революции.

В апреле 1763 г. И. Ползунов подал начальнику Кольвано-Воскресенских заводов (Алтай) проект универсальной паровой машины. В декабре того же года курьер из Петербурга доставил на Алтай указ Екатерины II, согласно которому Ползунов поощрялся денежной премией и похвалой, а также приглашался в Петербург

для вступления в Академию наук. Начальству же предписывалось начать постройку машины по его проекту. 23 мая 1766 г. состоялся пуск машины. Менее чем за полгода работы загруженная на треть своей мощности машина не только полностью оправдала свою стоимость (7200 рублей), но и дала свыше 12 тысяч рублей прибыли. Однако 10 ноября 1766 года двигатель встал из-за течи котла. Починить его было некому, и машина была отправлена на свалку...

Первый официальный патент на универсальный паровой двигатель был через 20 лет выдан в Англии Дж. Уатту. Через 15 лет (1800 г.) в Англии работало почти 500 машин, в 1810 г. — 5000, в 1825 г. — 15000. В Россию же первая промышленная революция пришла значительно позже.

В конце XIX в. (1893 г.) в Программе развития промышленности и торговли России констатировалась все та же тенденция и ставились те же задачи, что и в XVII в.: «Наш вывоз до сих пор сосредотачивался преимущественно на сырье, т. е. на наименее доходном в международной торговле товаре. <Необходимо> постепенно подготовить переход к относительно большему вывозу переработанных продуктов, благодаря чему народный труд будет извлекать большие выгоды из экспорта, оплачивающие преимущественно наши народные богатства».

Советская экономическая система, несмотря на общеизвестные значимые научно-технологические прорывы, на политическую установку «перейти от экстенсивного к интенсивному типу экономического роста на базе научно-технологического прогресса», подкрепленную установлением директивных показателей в планах предприятий по внедрению технологических новшеств, также не смогла обеспечить перевод экономики на рельсы инновационного развития¹.

Нынешнее руководство страны продолжает почти дословно воспроизводить все эти тезисы более чем вековой давности².

¹ Так, доля продукции, выпускаемой одиннадцатью министерствами гражданского машиностроения свыше 10 лет, т. е. морально устаревшей, к началу 1980-х гг. увеличилась до 30,6 % против 16,2 % в 1967 г. (Плановое хозяйство. 1985. № 4. С. 92), что нашло свое отражение в сокращении доли экспорта машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме экспорта СССР (включая реэкспорт) с 21,5 % в 1970 г. до 13,6 % в 1985 г.

² «Необходимо создавать стимулы для того, чтобы не гнать сырье за рубеж, а перерабатывать его здесь в России, а готовую востребованную продукцию производить самим для внутреннего рынка и с высоким уровнем передела и добавленной стоимостью поставлять уже за границу» [23]. «Мы продаем сырье, а чаще всего покупаем за рубежом го-

Вышеизложенное делает правомерным предположение об исторически сложившемся в российской экономической системе некоем механизме воспроизводства ее неинновационного характера. Но если это так, то при разработке необходимых институциональных изменений вряд ли будет достаточно использование традиционных механизмов (налогового стимулирования или еще каких-либо преференций). Они, как известно, активно применялись и в прошедший период, однако, как видно из вышеприведенной статистики, не привели к сколь-нибудь значимым результатам. Следовательно, необходим научный поиск принципиально новых решений, позволяющих переломить эту историческую тенденцию.

Как бы то ни было, неизбежно возникает самый главный вопрос: располагает ли Россия временным ресурсом для ожидания результатов институциональных реформ в виде появления критической массы шумпетерианских предпринимателей-новаторов?

Сложившийся ныне вектор экономической динамики и геополитическая обстановка дают однозначно отрицательный ответ¹.

Таким образом, последовательно и настойчиво осуществляя научный поиск и реализацию институциональных мер, способствующих появлению и накоплению критической массы предпринимателей-новаторов², следует понимать, что эти меры в нынешней российской социально-экономической реальности, безусловно, необходимы, но недостаточны для перехода к траектории устойчивого экономического роста в рамках имеющегося у страны временного интервала для осуществления такого перехода. Они должны быть дополнены комплексом мероприятий, способных «заполнить временную яму» между необходимостью немедленного перелома стагнационных тенденций и временем, когда эту функцию сможет взять на себя новое поколение российских предпринимателей. Можно ли в сложившихся условиях осуществить эти мероприятия без использования инвестиционного потенциала государства?

товые продукты, которые очень часто сделаны из нашего же сырья» [19].

¹ В каком-то смысле к нынешней ситуации применим тезис, высказанный И. В. Сталиным более 80 лет назад: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [27, с. 39].

² О содержательности, последовательности осуществления и сопряжения их с конкретно складывающейся ситуацией можно и нужно дискутировать.

Конечно, инвестиционная активность государства несет в себе определенные риски. Оппоненты этих мер справедливо указывают, во-первых, что государство при прочих равных условиях — «плохой предприниматель» по сравнению с частным. Во-вторых, существует опасность неверного определения приоритетов структурных преобразований, ведущего к растрате ресурсов. В-третьих, инвестиционная активность государства чревата всплеском инфляционных тенденций. В-четвертых, в России мы имеем «неэффективное государство».

Соглашаясь, в принципе, с приведенными доводами, необходимо отметить следующее.

Во-первых, тезис о государстве как о «плохом предпринимателе» в нынешних российских реалиях сталкивается с ситуацией отсутствия критической массы «хороших» предпринимателей, по крайней мере, в сфере, которая связана с технологическими преобразованиями³ («за неимением гербовой приходится писать на простой»).

Во-вторых, современная наука знает способы минимизации рисков, возникающих при определении приоритетов научно-технологического развития. Сохраняющиеся риски ошибок существенно меньше рисков, возникающих при отказе от такого определения.

В-третьих, соглашаясь с тезисом об инфляционных рисках, следует иметь в виду, что известны механизмы минимизации этих рисков и при этом последние, как минимум, не превышают риски, возникающие вследствие дефицита инвестиционных ресурсов, порожденного ограничением госрасходов. Похоже, это начинают понимать, по крайней мере, на словах, и экономические власти. Так, еще совсем недавно в прогнозах на 2012–2015 гг. (сентябрь, 2012 г.) и на 2014–2016 гг. (сентябрь, 2013) декларировалась необходимость «поддержания устойчивости бюджетной системы за счет введения бюджетного правила и ограничения в рамках него уровня расходов федерального бюджета». При этом в прогнозе на 2014–2016 гг. (октябрь 2013 г.) устанавливалось, что «денежная политика ориентируется на переход в 2015 г. к таргетированию инфляции». Однако в следующем (майском 2014 г.) прогнозе Минэкономразвития на 2014–2017 гг. содержится признание того факта, что «одним из основных внутренних рисков... является достаточно жесткий ориентир по инфляции, таргетируемой Банком России», и что «умеренно

³ История с «мобилем» — одно из подтверждений этого тезиса.

оптимистичный вариант развития экономики предполагает модернизацию бюджетного правила... путем увеличения дефицита федерального бюджета».

В-четвертых, принимая в качестве исходного положения тезис о «неэффективном государстве», мы обрекаем себя на бездействие. Ведь «неэффективное государство» не сможет проявлять не только должную инвестиционную активность, но и точно так же — институциональную активность, в том числе в развитии частнопредпринимательских свобод.

Следует также иметь в виду, что сама по себе инвестиционная активность государства не противоречит задачам развития частнопредпринимательской активности. Более того, опыт стран, осуществивших успешное формирование современных высокотехнологичных укладов, показывает, что этот процесс происходил и происходит при масштабной инвестиционной поддержке государства. Ставя задачу возрождения американской обрабатывающей промышленности (*manufacturing*) в Послании «О положении в стране» (12.02.2013 г.), Президент США предложил Конгрессу поддержать его инициативу о единовременных инвестициях в размере 1 млрд долл. на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности и выразил намерение использовать ресурсы исполнительной власти для создания трех новых институтов, которые в партнерстве с бизнесом, университетами, колледжами и правительством будут создавать и развивать производственные технологии, которые помогут находящимся на территории США предприятиям создавать привлекательные рабочие места.

Вместе с тем экономические реальности России говорят и о том, что опора на инвестиционную активность государства, являясь в сложившейся обстановке обязательной, тем не менее, сама по себе будет недостаточной мерой для перелома негативных тенденций, а при некоторых условиях может выступить фактором, усугубляющим нынешние негативные тренды.

Прежде всего, необходимо помнить, что государственные инвестиции, в силу объективно присущих большим системам (а национальная экономика является именно такой системой) ограничениям, способны обеспечить лишь точечные прорывы, а не комплексное социально-экономическое развитие страны. Подтверждением этого тезиса служит наш собственный исторический опыт модернизации экономики (петровская модернизация, индустриализация 1930-х гг., неудавшаяся попытка «оседлать» научно-техническую революцию в 1970-е гг.).

И главное, нельзя забывать о самом существенном риске политики наращивания инвестиционной активности государства, вытекающем из исторического прошлого России. Он заключается в устоявшейся вере во всемогущество государства. Генетическая память о государственном патернализме может привести к тому, что власть начнет осуществлять инвестиционную активность исключительно через так называемый «мобилизационный механизм», опирающийся на приоритет властного принуждения. Неизбежным следствием такого подхода станет все более широкое использование методов «ручного управления», что хотя и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе неспособно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития, подавляет частнопредпринимательскую инициативу и ведет к избыточному присутствию государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму, при явном дефиците государственного участия там, где это действительно необходимо. Наш исторический опыт показывает, к каким негативным социально-экономическим и политическим последствиям для общества может привести этот вариант, даже если первоначально он будет введен как временная мера.

Предотвратить подобное развитие событий возможно лишь через проведение наряду с институциональными преобразованиями в экономической сфере, формирующими слой экономически самостоятельных предпринимателей-новаторов, не менее глубоких преобразований политических институтов в направлении демократизации жизни общества, способных, с одной стороны, предотвратить появление «большого брата», а с другой — исключить тенденции предпринимательского сословия к приватизации государства.

Потребность в теоретическом обосновании сценария, органически соединяющего либерализацию экономической жизни с активизацией экономической роли государства, диктуется сегодняшней экономической реальностью России. Опора теоретических исследований на эту реальность — условие преодоления сложившегося раскола в российской политико-экономической мысли, ее реального влияния на формирование экономической политики. Преодолевая этот раскол, следует помнить, что история науки учит: там, где монополизирована право на «единственно верную

научную теорию» — кончается наука, а начинается конкуренция за доступ к «государеву уху», а по существу — за доступ к финансовым ресурсам. Логика этой борьбы неизбежно ведет от лозунгов типа «Тот, кто поет не с нами, тот против нас» к определению оппонентов в качестве «красно-коричневых», «национал-предателей», «пятой колонны» и т. п. со всеми последствиями уже не только для науки, но и для страны в целом.

Необходимо также подчеркнуть, что формирование концепции перехода к устойчивому социально-экономическому развитию страны не может быть уделом лишь политико-экономической мысли. Ее теоретической базой должны стать не только познанные экономические закономерности и знание реального состояния национальной экономики, но и знания о состоянии и тенденциях общественного сознания, соотношении различных политических сил, тенденциях внешнеполитической ситуации и многочисленных других объективных неэкономических факторов, являющихся предметом исследования других отраслей обществоведческой науки. Таким образом, статус научной может получить лишь та концепция, создание которой предполагает выход за пределы, диктуемые узкоэкономическим мышлением, опору на интегральное обществоведческое знание.

Вместе с тем, к какой бы экономической школе не относились представители той части экономической науки, которые заняты исследованием закономерностей роста национальной экономики, как правило, они едины в критическом отношении к проводимой в данный момент экономической политике. Российские политэкономы не являются здесь исключением. «Жалобы» на то, что власть предрержащие «не слушают ученых» (или, как минимум, «не достаточно слушают»), слышны от представителей самых разных школ и направлений экономической мысли (правда, нелишне заметить, что «жалобщики» нередко под учеными числят лишь коллег, исповедующих схожие с ними взгляды).

Однако насколько оправданны такого рода претензии?

Функция науки — приращение знания об объективных закономерностях природы и общества (фундаментальная наука) и выработка на основе этих знаний представлений (предложений) о возможностях использования этих закономерностей для достижения определенных результатов (прикладная наука). Для политэнома — это познание объективных зако-

номерностей экономической жизни общества как целостности и формирование концепции экономической политики, предполагающей использование этих закономерностей в интересах устойчивого социально-экономического развития.

Реализация этой функции — особая сфера профессиональной человеческой деятельности, характеризующаяся определенными критериями эффективности и требующая, как и всякая профессиональная деятельность, от своих носителей определенных способностей, знаний, умений и навыков.

Государственная политика — деятельность по управлению государством и обществом. Экономическая (социально-экономическая политика) — управление экономической (социально-экономической) жизнью общества. Понятно, что такого рода деятельность также требует особого рода способностей, знаний и умений. Политик — тот, кто, опираясь на эти способности, знания и умения, осуществляет такое управление или стремится к этому. Поэтому главный критерий эффективности для политика — умение удерживать место у руля государственного управления или (для оппозиции) умение занять это место. Все остальное (в том числе и социально-экономическая политика) неизбежно будет рассматриваться политиком (сознательно или бессознательно), как средства (инструменты) для достижения этой цели. И в этом смысле политика всегда будет «иметь первенство перед экономикой».

Можно ли в этих условиях ожидать от политиков неукоснительной реализации так называемой научно обоснованной концепции социально-экономического развития? Конечно, устойчивое социально-экономическое развитие — важнейшее материальное условие удержания политиком своего места у руля государственного управления. Но при всей своей важности оно не является единственным. Можно ли требовать от политика абстрагирования от даты очередных выборов при принятии решений, диктуемых той или иной теоретической концепцией? Разница научных и политических критериев эффективности неизбежно поведет к тому, что реальная экономическая политика всегда будет отличаться от любого ее научно обоснованного варианта и тем самым давать повод для критики со стороны научного сообщества. И потому не стоит теоретикам экономической науки брать на себя функции экономических политиков, помня, что это иная область профессиональной деятельности

с иными критериями целесообразности и эффективности.

Способность к приращению объективного знания об окружающем мире и умение на основе этого знания выстроить теоретически непротиворечивые представления (концепции) их возможного применения характеризуют профессионализм ученого.

Профессионализм же политика выражается в умении соединять действия по сохранению государственной власти в руках представляемой им политической силы (получению к ней доступа в случае нахождения политика в оппозиции) со стратегическими целями, диктуемыми объективными закономерностями об-

щественной эволюции. Именно в этом и состоит искусство экономической политики — не в догматическом следовании теоретическим концепциям, а в умении осуществлять те или иные мероприятия, которые в каждый данный момент могут не совпадать с теоретическими постулатами и даже, видимо, «противоречить» им, сохраняя при этом научно обусловленный стратегический вектор движения. Именно такая политика и будет претендовать на статус научно обоснованной. В противном случае будет реализовываться известный тезис «Железной рукой загоним человечество к счастью» с неизбежностью наступления также известных последствий.

Список источников

1. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70309020/#ixzz3HLG0n8RS>.
2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70309020/#ixzz3HP6At700>.
3. Основные направления социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (до 2010 г.). Проект. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-roo.ru/images/files/direct2010.pdf>.
4. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики партии // Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976.
5. Пояснительная записка Минэкономразвития России о сценарных условиях для формирования вариантов прогноза социально-экономического развития в 2013–2015 годах. Минэкономразвития России, 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sakha.gov.ru/node/70777>.
6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. Минэкономразвития России, 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc1254407742765>.
7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. Минэкономразвития России, 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70458344>.
8. Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности. Государственная программа. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.01.13. № 91-р) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
9. Уточненный прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2006 г. и основные параметры прогноза до 2008 г. Минэкономразвития России, 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1sn.ru/1269.html>.
10. Экономическое развитие и инновационная экономика. Государственная программа. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2013 г. № 467-р. [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/doc20130408_01.
11. Абалкин Л. И. История российской экономической мысли и ее связь с политикой // Уроки истории и будущее России. — М.: ИЭ РАН, 2010.
12. Абалкин Л. И. Поиск пути в меняющемся мире // Абалкин Л. И. Избранные труды: в 4-х т. Т. IV. — М.: ОАО НПО «Экономика», 2000. — 799 с.
13. Агеев А. Вопросы почемучек // Экономические стратегии. — 2014. — № 2.
14. Буттовской А. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Т. 1. — СПб., 1847. — 517 с.
15. Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов при перевозке грузов. — 2-е изд. — Киев, 1884. — 368 с.
16. Крижанич Ю. Политика. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003. — 656 с.
17. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 23. Ч. 2 — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960 — 924 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 19. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 671 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 25. Ч. 2. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. — 553 с.

20. *Медведев Д.* Стратегии развития химической промышленности. Выступление на совещании о мерах по развитию химического и нефтехимического комплекса России 3 июля 2013 / Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/2771>.
21. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — 180 с.
22. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. — 416 с.
23. *Путин В. В.* Нам нужна новая экономика // Ведомости. — 2012. — 01 дек.
24. *Путин В.* Надо создать стимулы для того, чтобы не гнать сырье за рубеж. Выступление на пуске в эксплуатацию «Тобольск-Полимер». 15 окт. 2013 г. // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия» [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/15/vladimir_putin_nado_sozdat_stimuly_dlya_togo_chtoby_ne_gnat_syryo_za_rubezh.
25. *Путин В.* Нам нужна новая экономика // Ведомости. — 2012. — 30 янв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah.
26. *Путин В.* О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528>.
27. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / Под ред. А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. — М.: РАН, 2013. — 93 с.
28. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюз. конф. работников социалистической промышленности // Сталин И. В. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1951. — Т. 13. — 165 с.
29. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#ixzz3HP6aTao9>.
30. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.
31. Экономика и жизнь. — 2004. — № 1 (январь).
32. *Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. — London, 1936.

УДК 330.(06)

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, социально-экономическое развитие